

Второе пришествие
Виктор Приб
(декабрь 1980-го)

Тысячелетию христианства на Руси посвящается

Придите и правьте

Тысяча лет тому, как христианство пришло на Русь. Тысячу лет должно было оно владеть душами русских людей и наполнять философской мудростью их слепые страсти, помыслы и желания.

Должно было, но не стало в полной мере, поскольку и пришло оно не через овладение душами людскими, но, как и многое на Руси даже передовое и мудрое, через насилие над ними и над самими людьми.

И на тысячу лет вперёд было много ещё насилия, крови и изуверства, потому что проповедовали эту философию и превратили её в догмат не апостолы Христовы, а те же люди - смертные и страстные, не многие из которых сами преисполнили свои помыслы и деяния той философской мудростью, что изначально присуща христианству и без которой не имело бы оно того мирового триумфа, который имело.

И изуверился русский народ, и в девятьсот тридцатый год своего обращения, а от Рождества Христова в тысяча девятьсот семнадцатый, сбросил убогие и жестокие цепи догмата! И было страшное – забыв в ослеплении своём о гуманной, истинно могучей сути философской системы, ставшей на Руси более, чем где-либо в мире основой тысячелетней культуры, или не ведая о том вовсе - рушил народ форпосты и атрибуты той веры, рушил свою культуру!

Рушил догматическую надстройку и в исступлении своём пытался разрушить основу. И проповедниками разрушения были вновь не апостолы новой веры, а смертные и страстные люди, не преисполнившие свои сердца, помыслы и деяния ни новой философией, ни старой.

Можно сменить веру, можно осмеять догму и разрушить надстройку, созданную людьми же, но нельзя сменить или разрушить культуру народа – нельзя истребить его гуманную душу.

И осталась опалённая разрушительными катаклизмами душа, осталась

культура и остались памятники её – остались не только как память, но как негаснувшие маяки для развития и ещё большего расцвета той культуры.

Для того остались они, чтобы никогда, ни один человек не утратил в суетности своей чувства прекрасного и от того не перестал быть Человеком.

Много ещё тех маяков на Руси. Есть они и в матери городов русских – Киевской земле.

В каком бы состоянии души не приходил к ним, они овладевают ею и возвышают тебя до Человека, рождая в тебе чувства и мысли, которые призваны править нами, но редко правят и во многом от этого нет в нас порядка и все мы устали бессмысленно мучиться и жить не по правде – так придите ж и правьте!

Удивление

Я в бегстве от самого себя. От удушающих будней – их всё убивающей суеты, их все чувства подавляющей власти. Сев в поезд «Россия» и проехав пол-Сибири, я затерялся где-то в России.

*Снежной бесконечностью,
Дремучестью лесной,
Пыщекилометрами
Россия за окном.*

*Обдуvem ветрами,
мчусь я день и ночь,
Даль «Россией» меряя,
Убегаю прочь...*

Я не знаю куда я бегу, что я ищу и что я найду. Или я пытаюсь обмануть себя, своё сознание, скрывая те чувства, которые гонят меня, хорошо зная куда, почему и зачем.

*От тебя убежав,
потерялся в России,
приземленность узнать чтоб
в вокзальной грязи.
Я увидел людей с обнажающей силой –
с ними я в суетливой убогости
свою чистую грусть
в поездах развозил.*

*Я без цели бродил
по просторам заснеженным,
просыпался под утро
в чужих городах
и расстаться хотел
с угнетающей нежностью,
и развеять себя
на семи всех ветрах,
Но я лгал про себя
и про уединение –
снова в Киев к тебе
я стремился уйти,
чтобы там – у истоков –
найти вдохновение
и сюжеты найти
в перепитьях пути.
А в портрете твоём
я искал утешение
и его понимал я теперь горячо:
звало в Киев меня
твое отражение
и толкало из Шомска
чужое плечо.*

Но толкало и влекло меня не только сегодняшнее совершенно смятённое состояние моей души.

*Штайной силой ведомый,
Сам того не зная,
Шолько снова еду я
В милую Украину.
Пусть гонимый бедами
Я влеком тем краем,
Шолько ведь и дедами
Шам я прорастаю.*

*С детства мне знакомы -
Шолько вспоминай-
Крыши из соломы,
Хуторской наш гай,
Дым над нашим домом,
Мельниц водограй
И ребячий гомон,
Где отец играл.*

*Где носились в поле
С буйностью шальной
Ветры всех историй -
Кадры из кино.*

*Где над Гуляйполем
Царствовал Махно -
Всё отцовою долею
Мне теперь дано!*

И вот он – Киев. И она стоит на горе, завершая собой всё прекрасное вокруг – и Подол, и Днепр, и булыжные мостовые, и даже Софию, и сотни сотен человеческих жизней, страданий, любви.

Небольшая, но величественная. Вычурная как и всё барокко, но плавно и легко устремлённая ввысь. Лишённая крикливой роскоши Екатерининского дворца, царственной величавости Зимнего, брэнности Смольного монастыря она стоит откровением для каждого, кто видит её. Откровением самого Растрелли.

Какую же надо иметь чистую и лёгкую душу, какие светлые чувства, чтобы создать такую сказочную нереальность, обладающую такой силой воздействия.

К ней можно приходить всякий раз, когда душу затягивает темнотой безисходности. Приходить ночью и смотреть от подножия. Она плывёт тогда в небе в свете прожекторов, сама струясь нежнейшим светом.

И этот свет вливается в душу, и ничего не существует больше вокруг ни в ночной тьме улиц, ни во всём мире. Но это чувство не угнетает, а радует. Радует возрождённая способность к Удивлению.

Это Андреевская церковь. Растреллиевская церковь на Владимирской горе.

Сомнение

Я стою на площади, прислонившись к ограждению. Передо мной взметнулась колокольня Софийского монастыря. Рядом с нею из-за белокаменной стены рассыпались в мороси неба, рассеивающей свет прожекторов, купола собора, перечёркнутые частой сеткой ветвей почерневших от сырости деревьев.

Я специально долго перемещал и колокольню, и собор, и деревья пока не достиг именно такого сочетания. Той точки, с которой смотрел теперь, не смея шелохнуться, чтобы не разрушить сложившейся картины.

Надо мной вознёсся на вздыбленном коне Богдан, неизменно указуя булавою гетмана в Россию. Его конь как бы отпрянул от вставшей перед ним колокольни, а Богдан властной и уверенной рукой шлёт его вперёд.

Я стоял и слушал себя. Слушал движения души, вызванные этим видением,

то тающим в ночном мареве, то вновь обретавшим строгие и величественные формы.

И снова остро вставали вечные вопросы сомнений, потерявшие в суете остроту либо из-за безответственности, либо из-за видимости найденных ответов. Что есть счастье и есть ли оно? Может ли быть счастлив человек, вырванный корнями из того, во что он вращался и втапывался в течение многих лет?

Вырванный единым порывом, не оставившим ни воспоминаний, ни сожалений о тех связях, которые питали соками всю его жизнь. Когда смятённая душа его несётся неизвестно куда, как перекасти-поле, гонимое бурей, то в плавном полёте, то в бешеной скачке, лихорадочно пытаюсь за что-нибудь ухватиться.

Что есть любовь и что желания человеческие? Был ли прав Блок, сказав:

*Молчи, душа, не мучь, не трогай,
Не понуждай и не зови!
Когда-нибудь придёт он -
Строгий, кристально ясный час любви!?*

И здесь, вблизи Прекрасного я нашел ответ.

*В чистейшем звуке этих строк
Себе найдёте утешенье,
Желая ждать любви волненье,
Как ждал его когда-то Блок,*

*Не убивайтесь в тишине!
Пусть не волнуют Вас невзгоды
И тщетно прожитые годы -
Они вернуться Вам вдвойне.*

*Вернуться! Я даю Вам слово!
И Вы тогда родитесь вновь,
Когда кристальная любовь
Вас позовет прекрасным зовом.*

*И Вам покажется ничемным
Былых волнений глупых сонм,
И он пройдёт, как тяжкий сон,
Любовью ясной залеченный.*

*Блок знал любви желанной силу.
Недаром восемьсот стихов,
Таких же чудных родников
Он милой подарил и миру.*

*Дождался он своего часа
Когда её боготворил
И всю стихами одарил,
Не замечая женщин краше.*

*И возмущает тот недаром,
Что, не имея Блока чувств,
Понять пытается хоть чуть
Её пленительные чары.*

*Ему и невдомёк, глупец,
Что женщин образ вожделенный
Нам не даётся непременно,
А каждый сам ему творец!*

*И тем прекрасней образ этот,
И недоступней для других,
Как Блока отточенный стих,
Что создают его по-э-ты!*

Но что же больше влечёт человека – сам предмет вожделений или его образ? За что платит он и тратит себя, желая иметь желаемое? За живущего в каждом человеке неистребимого искателя счастья - золотоискателя из Клондайка и весёлого, свободолюбивого ковбоя из Техаса? Или за рабочие штаны, которые протрёт он за год на учебных или служебных стульях или на лавках пивбаров и кабаков?

За мебель в стиле "Ретро", стесняющую и без того малое его жилище боязнь прикоснуться к ней, или за желание приобщиться к духу и чести декабристов и друзей Пушкина, слушавших его стихи и строивших проекты Свободы в окружении такой мебели? Зачем, влекомый желаниями, преследует он свою мечту, убивая её самой банальностью такого преследования?

*Зачем бессонницы ночные?
Зачем стихи, мечты пустые?
Зачем в безбожной кутерьме
Судьба тебя послала мне?*

*Судьбу я не просил об этом,
И не мечтал я стать поэтом,
Чтобы, испив страстей лихих,
Писать похмельные стихи.*

*Но пусть познал я эту страсть
И пусть попал я к ней во власть -
Зачем же снова в суете
Утратил преданность мечте?*

*Зачем не смог я избежать
Себя не теми окружать?
Ведь одиночества венец
Мне дал свободу наконец.
Свободу совести и чести
От ухищрений, лжи и лести,
Когда, пылая страстью к ней,
Умел быть лучше и честней!*

*Зачем как влюбчивый юнец,
Предвидя в этом свой конец,
Желая ею обладать,
Ей начал глупо досаждать?*

*Зачем? Зачем? Одни вопросы.
Вопросом дым над папирсой
И ночь в гнетущей тишине,
И огонёк в твоём окне . . .*

Почему когда-то страстно влюблённые друг в друга люди теряют друг друга, живя изо дня в день рядом? Ведь и Блок "испил страстей лихих". Ведь известные всем имена Лаура и Беатриче не есть имена жён Петрарки и Данте.

Почему горожане, изо дня в день проходящие мимо Софии, Андреевской церкви, Владимирского собора, не остановятся всякий раз перед ними ошеломлённые? Почему и я боюсь остаться здесь навсегда? Боюсь утратить для себя их очарование. Утратить ликующий восторг и творческий экстаз, которые они порождают во мне.

Утратить так, как утратил их на мгновение, когда ночью на Десятинной улице, на моих глазах разыгралась бранная и безобразная сцена между полупьяной женщиной и её поздним посетителем. Она кричала и плакала, он грубо и пьяно бранился, а над ними парила в вышине сияющая, как Годива, обнажённой, девственной чистотой Андреевская церковь.

За минуту до этого я, стоя перед ней, мечтал жить в этом доме, примыкающем к её подножию и ликовал душой.

*Буду прожектором тебе у подножия,
Высвечу прелесть и душу твою
И никогда не воспользуюсь ложью я
В песнях и рифмах, что в жизни спую!*

Смог бы я сохранить её влияние на мою душу, прожив всю жизнь в буднях у её подножия? Или, не надеясь на это, лучше припадать к ней душой, приезжая в минуты смятения за тысячи километров, чтобы потом петь её с новой силой?

И стоял я на площади не в силах ни понять до конца, ни решить все эти вопросы. Надо мной сыпал тёплый и мелкий дождик, насыщающий воздух будоражащей и живительной весенней свежестью, а до Рождества оставалось три дня.

Любовь

Мы вновь с ней с глазу на глаз - я на булыжной мостовой и она в молочной дымке освещённого прожекторами мокрого неба. Мы оба раскрыты друг перед другом и молча друг друга понимаем.

Она смотрит распахнутыми с наивной доверчивостью и детским удивлением окнами под золотыми прядями лепки купола. Смотрит и, смущённая моим пристальным и откровенно влюблённым взглядом, прикрывается угловой башенкой, чуть зардевшись золотистым обрамлением прозрачно голубого лика.

И проходит боль одиночества, навеянная ещё давно Полем Верленом

*Под чьей-то рукой
Я - зыбки качанье,
В пещере пустой
Молчанье, молчанье. . .*

и положившая начало моим мечтам и дискуссиям с поэтами.

*Под милой рукой я хотел бы проснуться
Качаньем зыбки в тишине,
Призывным зовом обернуться
В глаз столь любимых глубине.
Меня б Вы поняли, Поэт,
Познав пещер пустых молчанье,
Я одиноч был много лет,
Излив печаль в строках журчаньи.*

*Вы согласились бы вполне
Со мною в возмущённом споре,
Что не пристало Вам и мне
Искать любовь в любовной ссоре.*

*Искать любовь не в вышине,
А в прохладительном компрессе -
Такая участь не по мне
И не по Вам на моём месте.*

И кто познал это одиночество не страдал бы, как Пьер Рожар, от непонимания любви.

*Большое горе не любить,
Но горе и влюблённым быть.
И всё же худшее не это -
Гораздо хуже и больней,
Когда всю душу отдал ей
И не нашёл душе ответа!*

Именно у этого подножия понимал я простое счастье любви.

*Что горе не любить, ты прав Поэт.
Но как понять, с тобой не споря,
Что быть влюблённым тоже горе,
А не счастливейший момент!*

*Ты, видно, сам того не понял,
Что, не почувствуй в сердце ток,
Не написал бы этих строк,
В которых так душою стонешь.*

*Любовь, Поэт мой, бескорытна!
И, отдавая душу ей,
Ты в том уж счастье и испей,
А не ищи ответа быстро.*

*Ответ зависит от тебя -
Я в том даю тебе поруку!
И не впадай ты больше в скуку,
Свои сомненья беребя.*

*Лишь не гаси в себе пожар
И им сожжёшь ты все преграды -
Она ж сожжёт себя в нём ради
Тебя, печальный мой Рожар.*

В благодарность за подаренное мне понимание дарю я ей в ответ нимб из сверкающих росинок и стихи, стихи. . .

*Шобой рождённые стихи
По назначенью возвращаю,
А я огнём их ощущаю
Во мне бушующих стихий!*

Несмотря на её незащищённую открытость для всех, сейчас она существует только для меня и даже молодой тополь, стоящий рядом на склоне, чуть отступил в тень, не решаясь помешать нашему молчаливому диалогу.

*Если ж другого любви тебе надо,
Всю свою силу отдам ему так,
Как в своё время, в ночи серенады
Пел за другого де Бержерак.*

И я благодарен ему за это и за ту защиту и поддержку, что он даёт ей в их общем стремлении ввысь. Тополь всеми ветвями своими вытянулся в струнку в тщетной попытке сравняться с нею, но едва дотягиваясь при этом до капителей её колонн и пилястр. Тем не менее он выглядит гордым и счастливым у её подножия.

*Мне бы жаром любви твои высушить слёзы,
Мне б заботы твои - на виски сединой!
Отвести от тебя мне любые бы грозы,
Занавесить всю жизнь от бурь пеленой!*

*Всею грудью своей оградить от тревоги
И стихом разогнать твой обыденный быт.
Расстелить пред тобою любые дороги
И по этим дорогам с тобою ходить!*

*И полётом души мне поднять бы на крылья
Швою жизнь и любовь и на крыльях нести.
Никогда не была для меня бы ты билью -
Была б сказкой моей нерассказанной ты!*

Зато старая акация, невесть откуда прилепившаяся к её лестнице, широко и брюзгливо развесила свои ветви, всем своим видом выражая неудовольствие и осуждение их юной легкомысленности.

Но они и не замечают её осуждающего присутствия и продолжают являть собой чистейший идеал призрачной красоты, пылкой увлечённости и открытой

ЮНОЙ ЛЮБВИ!

*Всё, что связано с тобой,
всё, где ты была,
где дыхание твоё
    мимолётный взгляд,
    где стояли мы с тобой,
        где следы видны,
            эта надпись на снегу,
                окна все подряд,
И начало всех начал –   Киев весь в его церквях,
    наш с тобой спектакль,   наши две свечи...
        где сидела спя,
            Площадь Маяковского
Для меня теперь   и столовая,
всё это –   наш театр Моссовета –
        всё святое,
            всё родное,
И глаза твои,   самый сильный
    и душа твоя,   вечный символ!
        и улыбка губ,
            и прекрасный взгляд –
Всё осталось тут   нет пути назад!
    и нигде не ждут
        ни дела, ни радость.
Никакую малость
    этого всего
        не смогу утратить.
Жизни мне не хватит
    ни на что другое
        ни на что мельче!
Пред тобой я весь,
    всё готов извести,
        всё к твоим ногам
            положил и сам
        тоже весь я там!*

Счастье

Приютом мне служит в эту ночь переговорный пункт на Крещатике. Единственное место в любом городе, открытое для любого ночного путника. Здесь я испытываю наиболее лихорадочные творческие порывы. Вернее наиболее лихорадочно и отчётливо воспроизвожу на бумаге те порывы, что испытал перед этим на улицах и площадях ночного города - у подножий моих маяков. И тогда я счастлив.

Здесь ничего не отвлекает и не даёт ленивому уюту закрасться в душу. Каждая из

кабин, среди которых я сижу - живой нерв, связующий меня с людьми из самых разных уголков мира, затерявшихся в безбрежных, а на Восток заснеженных просторах. Ощущение это согревает и воодушевляет, помогая сохранить чёткость образов и сюжетов, запавших в сердце и мысли. А когда, исписавшись, начинаешь чувствовать опустошённость, то можно снова встать и пойти по ночному городу, так любимому мною.

*Город спит один в ночи
И я в нём один, я – пламя свечи.
Я в нём один и он весь мой:
мне машины развозят хлеба –
горячие горы,
молока бутылки –
молочные реки.*

*Асфальтовые улицы
ночью для меня
мостовыми стелятся,
Старые дома сказкой светятся.
Церковь в вышине –
её вовсе нет -
Это моя фантазия,
мой ночной бред.*

*Я иду и не я
И город,
мною разбудясь,
как товарищ идёт со мной . . .
Всё не реальное,
всё сказка
И, прежде всего, ты,
которую несу в себе
с бережной лаской,
Нежностью
город заполнив весь.
И ничего не надо,
только бы вечно нести
И не уронить,
не разбить,
не замутить,
не вмешаться
В чистые грани твои –
алмазные капли!
Светь впитать твой весь
и светом излиться,
Души людям открыть и глаза,
Чтобы увидели и поняли
ночные города!*

Я возвращаюсь немного по Крещатику и по боковым улочкам, булыжником спадающим в Крещатик, взбираюсь на Владимирскую, а дальше уже непременно повторяю один и тот же маршрут: мимо театра, мимо "Лайпцига", мимо светофоров на Владимирской, которые ласково помигивают на моё приветствие своими бирюзовыми глазами - ночью они всё разрешают мне.

И вот уже снова вполоборота ко мне рвётся к единению Богдан - украинский Пётр, забытый на своём скакуне Пушкиным. А перед ним и передо мной София. И не беда, что она уже не светится - и она, и Богдан, и Владимирская - это только прелюдия.

Конечная цель таких маршрутов - Андреевская церковь. Я подхожу к концу Владимирской и она ещё неясными очертаниями, подобно миражу, выплывает в небе передо мной, чтобы через минуту скрыться, как и подобает призрачному видению, за основанием бывшей когда-то Десятинной церкви и обрамляющих его деревьев. И прелюдия завершается трагическим аккордом одной из горьких легенд Киева и всей Руси.

Затем с тихой бережной ноты начинает звучать жизнеутверждающая симфония Удивления, Сомнения, Любви и Счастья - это она вновь застенчиво выступает из-за деревьев поочерёдно всеми своими башенками и куполами. И вот она вся передо мной и надо мной, и во мне.

И здесь нарастающим малиновым звоном колоколов вступает симфония, рождаемая во мне, в кульминацию. И под ликующие эти звуки я развешиваю на её куполах свою растерзанную и опустошённую душу и смятённые мысли и чувства. И они вновь вливаются в меня новыми красками, мыслями, чувствами!

И уже невозможно сдерживать себя, и снова булыжные мостовые несут меня на Крещатик. Я снова в своём опустевшем теперь окончательно приюте, и новая песнь рождается здесь, и нет конца этим песням, как нет предела моему восхищению Андреевской церковью, и ни одна песнь не повторится, как не повторится ни один день, будь он прожит с тобою! . . .

Пройдя через Удивление, Сомнение и Любовь я познал Счастье и стал мудрым, как Омар Хайям, когда сумел понять и изложить тот самый Смысл Жизни всего в четырёх строках одной рубайи.

*Я жизнь за час прожить готов,
Лишь бы в ней не было постов,
И лишь бы в ней за этот час
Прошли все бури ста годов!*

Я постиг суть Счастья, найдя его в состоянии души, в бешеном напряжении любого человека **т в о р я щ е г о**, но не разрушающего. Любящего и верующего в Любовь.

И только в счастье обретает человек Мудрость, и способен сохранять Мудрость, пока сохраняет способность творить свободно.

Мудрость

Я недаром люблю ночной город и ночные видения его домов и улиц. И сейчас мне не надо было идти к ней. Я чувствовал это, но не мог удержаться - сегодня я расставался с нею.

Она стояла потухшая в сером свете распускающегося утра и сама немного посеревшая после бессонной ночи, проведённой со мной. Но снова и снова вызывала она моё восхищение своим тихим изяществом, а более того, именно сейчас порождала во мне мудрые чувства доброты и признательности. Порождённые ночным слиянием наших душ мы и не замечали, и прощали друг другу чуть истерзанный вид, переполненные светлой радостью.

В этот момент и налетели туристы. Они шумными группами выплёвывались из автобусов и бежали, охая и ахая, обсмотреть её, общупать, обтоптать, обговорить ненужными словами, щеголяя знанием архитектурных элементов и холодно расчленяя её на эти элементы.

Я, вдруг, почувствовал пронзительное её страдание, болью отозвавшееся во мне. Нестерпимое чувство утраты погнало меня прочь. Я почувствовал себя униженным и растоптанным от того, что покинул её на поругание, не в силах оградить в освежающей тишине.

Владимирская сматывалась передо мною снова в закрытый для меня клубок. Я знал, что иду здесь в последний раз. А туристы настигали и опережали меня на своих автобусах. Вот они уже и в Софии, наполнили площадь Богдана Хмельницкого и я спешу дальше, не останавливаясь.

И вдруг, я услышал льющийся откуда-то из поднебесья искрящийся звон

Владимирского собора. Вот он уже и сам передо мной и поглотил меня. Но что за наплыв народа? И не зевак, не туристов, а воодушевлённых, светящихся лиц, устремлённых в одном направлении. Я проследил его. Все взгляды были прикованы к человеку на амвоне, который осенял народ золотым крестом, завершая обряд.

Был он в высокой белоснежной митре с бриллиантовым, сверкающим во лбу крестиком. Его лицо, обрамлённое такой же белой, седой бородкой, показалось мне уже виденным где-то.

Я не успел подумать где, как в соборе возникло оживление – молодые прислужники в расшитых по-гренадерски золотистых рясах расчищали проход в массе народа. Каждый из присутствующих пытался при этом пробиться к берегам широкого коридора. Не понимая ещё общего стремления, я, тем не менее, оказался вытесненным к самому проходу.

По нему уже шёл на выход этот человек с высоким посохом, украшенным золотым набалдашником. И только тут я понял из отдельных восклицаний плотно прижатых ко мне людей, кто этот человек со святым ликом. Это шёл "Его Преосвященство" Митрополит Киевский и раздавал благословления, и позволял каждому, кто имел и искал эту возможность – в основном это были убогие и калечные – припасть к своей руке.

В голове было промелькнули привычные и циничные мысли атеиста, но тут он поравнялся со мной и посмотрел на меня своим мудрым и ясным взором, всё во мне понимая и всё прощая. Я, смутившись, опустил голову под его взглядом. Он, как бы угадывая моё смятение, осенил меня крестным знаменем и протянул благословляющую руку, и я – в некоем мне доселе неведомом экстазе... – коснулся её губами...

Тут же оттеснённый от прохода, ощущая в теле чуть ли не дрожь непонятого возбуждения, протолкался я из собора на улицу. Перед собором столпилось ещё больше народа, чем внутри и такой же коридор вёл со ступеней к чёрной "Волге".

А звон колоколов нарастал и становился всё звонче и насыщеннее. Уже и на бульваре перед собором начал собираться народ. Я выбрался из толпы и закурил папиросу, пытаюсь успокоиться и понять, что же со мной произошло в соборе.

Неужели то преклонение перед чистой красотою Андреевской церкви привело меня к вере? Ведь я почти верил в тот момент, когда коснулся его руки!

Верил, не совсем понимая, правда – во что. И лицо его я вспомнил – это было лицо с рублёвских икон. И верил я не в путанную повесть о житие Христовом, а в то, что изобразил Рублёв: в красоту и доброту человеческие, в глубину сострадания и любви. И в то, что изобразил Крамской образом «Христа в пустыне».

*Сидит один на валуне
В пустынной жуткой тишине
Один за мир за весь в ответе,
Один, как перст на всей планете.*

*Но не смятён, а мыслит он,
Присев в пути на неба склон...
В своём изношенном рубище
Он божий сан ещё не ищет.*

*Ещё грядёт Голгофы крест,
Куда пойдёт Иуды перст
Его с застолья той Вечери,
Где он друзей своих проверит.*

*И тридцать сребренников тех
Ещё смутят его и всех,
Когда поймём ему подобно,
Что продавать друзей способны.*

*И к кровоточащим стопам
Ещё припасть людским грехам,
Чтобы простил великодушно
Циничность их и равнодушие...*

*Сейчас же, всем ещё не нужен,
Сидит он, думой перегружен,
И пустота в нём и вокруг
Сквозит в сцепленье его рук.*

*В руках не Бога – Человека,
Что плуг держали век от века,
Вся близость мне его души
И сам он – весь непогрешим.
Он измождён путём тернистым,
Сомненьями в объятия стиснут:
Предвидит он в своих сомненьях
Людей измену и гоненья.*

*Но всё ж в пронзительных глазах
Не прячет душу мелкий страх,
В глазах мучительных и добрых
Надежды виден всё же проблеск –*

*Да, он пойдёт путём жестоким,
Прощая все людей пороки,
Чтоб показать своим страданьем
Судьбы людской предначертанье!*

И опять же благодарил я и Андреевскую церковь и Софию, и Владимирский собор с его колокольным звоном за то, что они дали мне понять и поверить в это.

И осталось ещё на этом пути познания и понимания, в центре его, если от Владимирского собора до Андреевской церкви, или, если вглубь веков, то у самых истоков – святой Софии, на площади Богдана Хмельницкого святое и светлое чувство человеческого единства.

*Богдан на вздыбленном коне
Парит с простёртою рукою,
Как вечный символ в вышине,
К Москве зовёт он булавою.*

*А конь храпит, круп осадив,
Перед взметнувшейся Софией,
Но всадник мудр и прозорлив -
Стремит, стремится его к России.*

*Сидит уверенно в седле он -
Богом данный над народом,
Решимость мысли на челе
Не стёрли пройденные годы.*

*И площадь снова перед ним,
Как Переяславская Рада,
Призыв понятен всем и зрим -
Славянам в братстве нет преграды!*

www.literatur-viktor-prieb.de